

С. М. Волконский

**О Декабристах, по семейным
воспоминаниям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. М. Волконский**
О Декабристах, по семейным воспоминаниям / С. М. Волконский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 182 с.

ISBN 978-5-518-01108-3

ISBN 978-5-518-01108-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

**Князь Сергій Григорьевич
Волконскій**

Съ портрета Г. Дау, находящагося в Зимнемъ дворцѣ, 1820 г.

I.

«Семейный Архивъ,» — сколько прошлаго, ушедшаго, былого въ этихъ словахъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько поблекшаго, увядшаго, и, несмотря на блеклость, сколько благоуханнаго. Къ сожалѣнію, все это въ словахъ, а въ самихъ архивахъ, что осталось?

Бумажное наслѣдіе нашихъ отцовъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда не подверглось поруганію, извлечено изъ обстановки, въ которой оно хранилось, развезено по разнымъ казеннымъ учрежденіямъ, свалено по канцеляріямъ, по сундукамъ въ кладовыхъ музеевъ, перебирается и распредѣляется людьми, далекими отъ той внутренней жизни, которой дышутъ эти пожелтѣлыя листки. Вырванные изъ своихъ семейныхъ гнѣздъ, изъ той атмосферы родственнаго вниманія, въ которой они хранились, архивы наши потеряли, — безвозвратно потеряли именно то благоуханіе, которое было самымъ цѣннымъ ихъ свойствомъ. Они его потеряли потому, что оно было не имъ присуще, а сообщалось имъ сыновнею любовью родственно связаннаго съ ними потомка. Для тѣхъ людей, которые сейчасъ ими занимаются, это не живыя страницы далекаго, но близкаго прошлаго, а только «документъ». Все, что будетъ на основаніи этого документа написано, будетъ не болѣе, какъ сводка:

все, что будетъ къ нему прибавлено, будетъ либо догадка, либо вымыселъ. Только свой человѣкъ увидить за «документомъ» жизнью трепещущее письмо, только сынъ за почеркомъ почувствуетъ характеръ и образъ, только внукъ за мелькомъ брошеннымъ именемъ оцутить прикисповеніе жизненныхъ теченій, переилетенія семейныхъ отношеній. Только въ самомъ себѣ (а не въ бумагѣ), найдеть онъ разгадку тому, что не досказано. И тогда, что онъ прибавить къ «документу», не будетъ ни дагадкой, ни вымысломъ. Это будутъ, если не личныя воспоминанія, то — куски жизни, отраженные въ его памяти. Изъ глубины дѣтства возникаютъ и всплываютъ на поверхность какіе-то клочки, обрывки: — звукъ голоса, взглядъ, усмѣшка, имя, кличка, портретъ, сухой цвѣтокъ, кусокъ матеріи, пѣсня, прибаутка, запахъ... И въ каждомъ такомъ намекѣ есть воскрешающая сила, необманная сила, столь же необманная, какъ и сила «документа».

Посторонній изслѣдователь изъ письма выводитъ; семейному изслѣдователю письмо само рассказываетъ и — гораздо больше, чѣмъ въ письмѣ написано. Да будетъ же мнѣ позволено воспользоваться вышеуказаннымъ преимуществомъ «семейнаго изслѣдователя» и, въ качествѣ внука декабриста, рассказать о томъ архивѣ, которій былъ у меня и котораго у меня нѣтъ.

Весной 1915 г., разбѣрая вещи въ старомъ шкалу на тогдашней моей квартирѣ въ Петербургѣ (Сергіевская 7), я неожиданно напалъ на грудку бумагъ. Часть ихъ лежала вповалку, но большинство было уложено пакетами, завернутыми въ толстую сѣрую бумагу; на пакетахъ этихъ, запечатанныхъ сургучемъ и перевязанныхъ тесемками, были надписи: отъ такого-то къ такому-то, отъ такого-то до такого-то года, отъ такого-то до

такого-то номера; иногда оговорка о пропускѣ въ номерахъ. Въ надписяхъ я сейічасъ же призналъ почеркъ моего дѣда, декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго. Тутъ же было нѣсколько переплетенныхъ тетрадокъ. Раскрывъ ихъ, я увидѣлъ въ одной письма матери декабриста, княгини Александры Николаевны Волконской, въ другихъ — письма къ женѣ декабриста, княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской, урожденной Раевской, отъ разныхъ членовъ ея семьи, родителей, братьевъ, сестеръ. Еще было нѣсколько большихъ переплетенныхъ тетрадокъ. — это былъ журналъ исходящихъ писемъ. Наконецъ были кнѣ письма самихъ декабристовъ. — Сергѣя Григорьевича и Маріи Николаевны, очевидно, возвращенныхъ моему отцу послѣ смерти адресатовъ. Среди всего этого письменнаго матеріала множество рисунковъ: портреты акварельные, карандашные, виды Сибири, сцены острожной жизни, въ числѣ ихъ портреты работы декабриста Бестужева, карандашные портреты извѣстнаго шведскаго художника Мазера, въ 50-хъ годахъ посѣтившаго Сибирь и зарисовавшаго многихъ декабристовъ. Однимъ словомъ, — съ полокъ стараго шкапа глядѣло на меня 30 лѣтъ Сибири (1827—1856), да не одна Сибирь: письма начинались много раньше, съ 1803 года, и кончались 1866, годомъ смерти декабриста Волконскаго.

Такое наслѣдіе обязываетъ. Я рѣшилъ заняться разработкой и изданіемъ его. Въ разработкѣ помогаль мнѣ Б. Л. Модзалевскій, завѣдующій Пушкинскимъ домомъ при Академіи Наукъ, знатокъ русской генеалогіи и работникъ по архивовѣдѣнію. Изданіе взялъ на себя Е. А. Ляцкій, руководитель издательства «Огни», столь много сдѣлавшаго въ области мемуарной литературы.

Предполагаемое изданіе должно было называться «Архивъ Декабриста» и состоять изъ четырехъ частей:

1. «До Сибири», 2. «Заточение», 3. «Поселение», 4. «Возвращение». Но предварительному подсчету материала, онъ, вѣроятно, занялъ бы пять, шесть томовъ. Иллюстраціонный матеріалъ былъ мною сфотографированъ. Работа пошла быстро и, несмотря на все затрудненія, сперва военнаго, а потомъ революціоннаго времени, первый томъ «Архива Декабриста» вышелъ въ іюль 1918 г.

Въ самомъ началѣ работы я снесся съ Иркутской Архивной Комиссіей, прося не отказать мнѣ въ доставленіи матеріаловъ касательно сибирскаго житія нашихъ изгнанниковъ. Секретарь этой Комисіи отвѣтилъ мнѣ нѣсколькими письмами, въ которыхъ выказалъ много теплоты и вниманія къ интересовавшему меня дѣлу. Отъ себя онъ помѣстилъ нѣсколько объявленій въ сибирскихъ газетахъ, и въ отвѣтъ на этотъ призывъ я получилъ много писемъ отъ сибирскихъ старожиловъ, сыновей и внуковъ такихъ людей, которые были знакомы съ декабристами. Эти письма неизвѣстныхъ людей рисовали трогательныя картины быта, характеристики лицъ и отношеній и въ горячихъ выраженіяхъ неподкупной искренности свидѣтельствовали о памяти, какую оставили декабристы въ мѣстномъ населеніи. Моимъ безвѣстнымъ корреспондентамъ приношу здѣсь глубокую свою благодарность. Если когда-нибудь страницы эти попадутся имъ на глаза, они узнаютъ, что волна разрушенія, унесшая всю работу рукъ моихъ, унесла и ихъ имена, и ихъ адреса...

Все рисунки были мною увезены въ деревню, въ имѣніе Павловку, Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Здѣсь, во флигелѣ я собралъ и устроилъ «музей декабристовъ». Кромѣ картинъ, портретовъ и проч., были тамъ многія вещи, декабристамъ принадлежавшія. Такъ, была у меня ложка, которою ѣлъ С. Г. Волконскій, его чубукъ, его палка, часы, подсвѣч-

никъ. столъ, ноты, принадлежавшія княгинѣ Маріи Николаевнѣ... Всѣхъ мелочей и не перечислить. Порядокъ и покой этого маленькаго музея были нарушены осенью 1918 года, когда я покинулъ свое имѣніе и перевезъ наиболѣе близкія и сердцу дорогія вещи въ уѣздный городъ. Здѣсь, несмотря на почти уже невозможныя условія жизни, весной того же года, на Святой, въ библиотекѣ Народнаго Дома, я открылъ въ пользу общества вспомоцествованія раненымъ и увѣчнымъ воинамъ «Выставку Декабристовъ». Въ двухъ большихъ залахъ и двухъ маленькихъ комнатахъ размѣстились четыре отдѣла: «До Сибири», «Сибирь», «Оффиціальная Россія» и «Возвращеніе». Выставка эта въ Петербургѣ и Москвѣ, конечно, имѣла бы большой успѣхъ. Каталогъ ея болѣе двухсотъ номеровъ, вѣроятно, и по сіе время сохранился у кого-нибудь изъ жителей города Борисоглѣбска или въ мѣстной общественной библиотекѣ. Убрать съ такою любовью собранную выставку мнѣ уже не пришлось, — въ солдатской шинели, съ котомкой и платья и бѣлья, въ пять часовъ утра, пѣшкомъ я долженъ былъ покинуть родной городъ... Знаю, что часть вещей, специально художественной цѣнности, была затребована и вывезена Коллегіей Охраны Памятниковъ и сейчасъ покоится въ подвалахъ Румянцевскаго музея.

Самый архивъ въ подлинникѣ и въ копіи былъ мною заблаговременно пересланъ въ Академію Наукъ, а оттуда, заботами Б. Л. Модзалевскаго, переправленъ въ Румянцевскій же музей.

Каждую часть изданія я предполагалъ снабдить предисловіемъ. Первое предисловіе вышло въ свѣтъ съ первымъ томомъ. Въ силу обстоятельствъ, этотъ первый томъ будетъ и послѣднимъ... Ко второй части («Заточеніе») предисловіе уже было мною написано. Это былъ рассказъ о первыхъ десяти годахъ сибирскаго

жизнь: рассказ, составленный исключительно по письмам княгини Марии Николаевны и вместе с тем давний духовный ее портрет, как он из этих писем вырисовывается. Но эта работа, — как и все мои бумаги, заметки, письма, примечания и прочий рукописный материал, — была отобрана у меня уездными властями в то время, когда все мое имущество было объявлено народной собственностью. Когда в 1919 г. был послан туда делегат от Охраны Памятников, с тем, чтобы вывезти мои работы, он уже ничего не нашел: «бумаги, отобраанные в бывшем доме Волконского, были израсходованы в уборной уездной Чрезвычайной Комиссии» *).

Постараюсь на этих страницах по памяти восстановить, сколько могу, по просьбе читателя не посетовать за отсутствие ссылок и дать: у меня не осталось ничего. Предвидя возможную пронажу, я снял копию с упомянутого второго предисловия и отдал на хранение одной старушкѣ в уездномъ городѣ. Но и это оказалось не достаточно безопаснымъ, — старушка была вынуждена закопать ее в землю. В январѣ 1921 г. мнѣ привезли эту рукопись в Москву. Когда я развернулъ ее, у меня в руках она рассыпалась, — это былъ прахъ . . . Такъ исчезъ послѣдній слѣдъ моей работы. Пока пишу эти строки, передо мной на столѣ стоятъ — фотографія съ одной изъ комнатъ, въ которыхъ размѣщался «музей декабристовъ», портретъ княгини Марии Николаевны, миниатюра, изображающая ее мать, и кедровая шишка отъ сибирскаго кедра, посаженнаго мною въ паркѣ моего бывшаго имѣнія. Вотъ все, что у меня осталось . . . Но — память дороже вещей.

*) Изъ официального донесенія.

Цѣнность того матеріала, который судьба предоставила мнѣ въ этихъ бумагахъ, нельзя назвать чисто исторической, — она гораздо больше въ раскрытіи бытовой и психологической стороны той удивительной эпохи и тѣхъ удивительныхъ людей. Думаю, что для истинныхъ ревнителей прошлаго, для тѣхъ, кто въ прошломъ ищетъ не фактовъ, а жизни, эта сторона даже цѣннѣе; она цѣннѣе не только по существу, но и по рѣдкости своей. Событія достаточно пзвѣстны, но именно быть и психологія людей, при скудости нашихъ семейныхъ архивовъ, при нерадѣніи, съ какимъ предшествовавшія поколѣнія относились къ бумажному наслѣдію отцовъ, составляютъ самую дорогую сторону прошлаго, тѣмъ болѣе дорогую, чѣмъ труднѣе возстановить ея картину. Съ этой точки зрѣнія нашъ архивъ представляетъ рѣдкую цѣнность; врядъ ли отъ кого-либо изъ участниковъ декабрьскихъ событій остался столь обильный и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательный, почти «непрерывный» матеріалъ. И въ этомъ матеріалѣ не сами событія, а какъ они отражались въ умахъ и сердцахъ, какъ люди о нихъ узнавали, передавали другъ другу, какъ страдали, радовались, ссорились, мирились. Такое событіе, какъ политическій заговоръ, разразившійся военнымъ возстаніемъ въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г., со всѣмъ, что было имъ вызвано, не могло не отразиться самымъ глубокимъ образомъ на взаимоотношеніяхъ людей. Не говоря о политическихъ убѣжденіяхъ, оказались затронутыми вопросы общественнаго и служебнаго положенія, были потрясены условія матеріальнаго быта, были подвергнуты испытаніямъ прочность и искренность семейныхъ отношеній. Вотъ въ чемъ истинный интересъ нашего архива. Интересъ увеличивается тѣмъ, что матеріалъ сосредоточивается вокругъ такихъ двухъ центральныхъ фигуръ, какъ идеальный, нѣсколько утопич-

ный и не отъ міра сего декабристь князь Сергій Григорьевичъ Волконскій и романтическая, героическая въ красотѣ своего подвига личность княгини Маріи Николаевны.

О декабристахъ было много изслѣдованій, о ихъ женахъ писали поэты; но ни точность историческаго изысканія, ни сила поэтическаго творчества не создадутъ этимъ людямъ болѣе высокаго памятника, чѣмъ тотъ, что выростаеъ со страницъ семейнаго бытоописанія. Въдѣ самая героическая жизнь состоитъ изъ накопленія мелочей; и вотъ эти мелочи, простотой своей и простотой отношенія къ нимъ, еще болѣе поднимаютъ высокую сторону того, что для писавшихъ было будничной повседневностью. «Какія героини, — говаривала по возвращеніи изъ Сибири Александра Ивановна Давыдова, — какія героини! Это поэты изъ насъ сдѣлали героинь, а мы просто поѣхали за нашими мужьями». Такъ смотрѣли онѣ на свой подвигъ и не сознавали даже, какъ этой скромностью возвышали его.

Такова окраска общаго духа, которымъ вѣетъ со страницъ нашего архива. Повседневность героизма и героизма въ повседневности. И рѣдко когда съ большей ясностью и болѣе скорбной остротой, чѣмъ при разборкѣ этихъ страницъ, пожелтѣлыхъ и покрытыхъ трудно разбираемыми, иной разъ уже блеклыми письменами, вставали передъ сознаніемъ — житейская впчтожность всего земнаго и духовная цѣнность всего, что когда-то было . . .

Былое! Ясна ли вся прелесть этого слова? Теперь, когда все прежнее сметается, за одно стирается въ сознаніи людскомъ и прошлое. Между тѣмъ это совсѣмъ не одно и то же. Можно не любить, даже ненавидѣть прежнее, и все же любить прошлое; можно не желать возвращенія прежняго и тѣмъ не менѣе любовной